

О ДОСТОЕВСКОМ

О Достоевском трудно сказать что-либо новое. Все, что можно было сказать о нем умного и дельного, уже сказано, все казавшееся когда-то новым и оригинальным устарело в свой черед, но всякий раз, когда в годину горя и отчаяния мы обращаемся к нему, притягательный и страшный образ писателя является нам в ореоле вечно новых тайн и загадок.

Истинным читателем Достоевского не может быть ни скучающий буржуа, которому призрачный мир «Преступления и наказания» приятно щекочет нервы, ни тем более ученый умник, восхищающийся психологией его романов и сочиняющий интересные брошюры о его мировоззрении. Достоевского надо читать, когда мы глубоко несчастны, когда мы исстрадались до предела наших возможностей и воспринимаем жизнь, как одну-единственную пылающую огнем рану, когда мы переполнены чувством безысходного отчаяния. И только когда мы в смиренном уединении смотрим на жизнь из нашей юдоли, когда мы не в состоянии ни понять, ни принять ее дикой, величавой жестокости, нам становится доступна музыка этого страшного и прекрасного писателя. Тогда мы больше не зрители, не сибариты и не критики, а бедные братья среди всех этих бедолаг, населяющих его книги, тогда мы страдаем вместе с ними, затаив дыхание, зачарованно смотрим их глазами в водоворот жизни, на вечно работающую мельницу смерти. И только тогда мы воспринимаем музыку Достоевского, его утешение, его любовь, только тогда нам открывается чудесный смысл его страшного, часто дьявольски сложного поэтического мира.

Две силы захватывают нас в его творениях, из столкновения двух противоречивых начал рождается магическая глубина и поразительная объемность его музыки.

Первая — это отчаяние, постижение зла, непротивление свирепой, кровавой жестокости, сомнение в существе человечности. Этой смертью нужно умереть, через этот ад нужно пройти, прежде чем мы услышим иной, божественный голос мастера. Предпосылкой тому является искреннее и откровенное признание, что наша жизнь, наша человечность — дело жалкое, сомнительное и, может быть, безнадежное. Нужно отдать себя во власть страдания, покориться смерти, научиться без содрогания смотреть на дьявольскую

ухмылку юной действительности, прежде чем мы осознаем глубину и истинность иного, второго голоса.

Первый голос принимает смерть и отвергает надежду, отказывается от каких бы то ни было философских и поэтических украшательств и смягчений, с помощью которых приятные нам писатели привычно отвлекают нас от опасностей и ужасов человеческого существования. Но второй голос, поистине божественный второй голос указывает нам на иной, небесной стороне другое начало, противоположное смерти, другую действительность, другую сущность: совесть человека. Пусть человеческая жизнь наполнена войнами и страданиями, подлостью и мерзостью, но ведь имеется еще и что-то иное: совесть, способность человека держать ответ перед Богом. Конечно, и совесть ведет через страдание и страх смерти к отчаянию и вине, но она выводит нас из невыносимой бессмысленности одиночества, приближает к пониманию смысла, сущности, вечности. Эта совесть не имеет ничего общего с моралью и законом, она может быть с ними в самом страшном, смертельном разладе, и все же она бесконечно сильна, она сильнее косности, сильнее корыстолюбия, сильнее тщеславия. Она все время, даже в глубочайшем несчастье и крайнем смятении держит открытой узенькую тропку, которая ведет не назад, к обреченному на гибель миру, а через него к Богу. Труден путь, ведущий человека к его совести, почти все преступают ее законы, противятся ее власти, тяжко обременяют себя и гибнут от ее угрозений, но для каждого в любой миг открыт тайный путь, который наполняет жизнь смыслом и облегчает смерть. Одни до тех пор неистово грешат против совести, пока не пройдут через все круги ада и не осквернят себя до предела, чтобы в конце со вздохом облегчения осознать заблуждение и пережить минуту душевного преображения. Другие живут со своей совестью в полном согласии. Их мало, этих святых счастливцев, и, какая бы с ними ни приключилась беда, она затрагивает их только извне и никогда не поражает в сердце, они всегда сохраняют чистоту, и улыбка не сходит с их лица. Таков князь Мышкин.

Оба эти голоса, оба эти учения я услышал у Достоевского во времена, когда, подготовленный отчаянием и страданием, был прилежным читателем его книг. Есть художник, который заставил меня пережить нечто подобное, музыкант, которого я не всегда люблю и могу слушать, точно так же как не всегда я могу читать Достоевского. Это Бет-

ховен. Ему свойственно такое знание о счастье, о мудрости и гармонии, которого не обрести на равнинных дорогах, которое озаряет нас только у края пропасти, которое не срываешь с улыбкой, как цветы, а обретаешь со слезами на глазах, обессилев от страданий. В его симфониях и квартетах есть места, где из глубины горя и отрешенности излучается что-то бесконечно трогательное, по-детски нежное — предвосхищение смысла, предчувствие избавления. Такие места я нахожу и у Достоевского.

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Истинное образование не подчинено утилитарной цели; его высший смысл — стремление к совершенству. Если человек стремится к физической силе, ловкости и красоте, то не ради того, чтобы стать богатым, знаменитым или могущественным, но ради самоутверждения, которое способствует росту его жизненной активности, укрепляет его веру в себя, вселяет в него бодрость и радость, делает более интенсивным ощущение уверенности и благополучия; совершенно так же стремление к образованию, то есть совершенствованию ума и души, — это не утомительный путь к тем или иным ограниченным целям, это расширение нашего кругозора, обогащение нашей способности жить и радоваться жизни. Поэтому настоящее образование, как и настоящая культура тела, — это одновременно гармония и стремление к ней, это ощущение достигнутой цели и вместе с тем желание двигаться дальше; это блуждание в бесконечности, ритмическое движение в единстве с мировым целым, сопричастность надвременному. Его цель — не тренировка отдельных способностей, не овладение высотами; образование помогает нам осмыслить нашу жизнь, разгадать прошлое и смело смотреть в будущее.

Среди путей, ведущих к такому образованию, один из важнейших — изучение всемирной литературы, постепенное овладение неисчерпаемой сокровищницей мыслей, переживаний, символов, вымыслов и фантазий, завещанных нам веками и сохраняемых в творениях поэтов и мыслителей разных стран. Путь этот бесконечен, никто не прошел его до конца, никто не смог полностью узнать всю литературу хотя бы одного народа, не говоря уже о литературе всего человечества. Но зато каждый раз, когда нам удается